

Александр Вовк

Десять
рассказов

12+

Александр Вовк
Десять рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вовк А. И.

Десять рассказов / А. И. Вовк — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Все представленные в сборнике рассказы рождены в последнее десятилетие (2010-2020). Они пронизаны духом не только своего времени, но немного и ностальгического, потому читаются с интересом и даже с пользой теми современниками, которые стремятся разобраться во всём, что обычно вслух не произносят.

Содержание

Полдня из жизни ракетчика	5
Эх вы, люди...	15
Ну и что?	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Полдня из жизни ракетчика

*Посвящается офицерам-ракетчикам, даже мирные будни
которых зачастую являются настоящим подвигом*

Спать Степану хотелось мучительно. Весь его организм, натренированный и давно приспособленный к чрезмерным физическим перегрузкам, за последнее время совершенно вымотался и теперь едва справлялся даже с самыми простыми, самыми естественными движениями. Потому Степан через силу, через не могу, тащил свои ноги домой, подчиняясь той бесконечной мятежности, которая намертво въедается в само существо войсковых офицеров.

– А сегодня к тому же в караул заступать! – пощипывала душу неприятная мыслишка.

Остальные мысли Степана странным образом путались, не выдавая определенного результата, съезжали куда-то в сторону со всякой темы или просто рассыпались, хотя размышлять о чём-то существенном он сейчас даже не пытался.

– Спать! Спать! Спать! Только бы выдержать! Выдержать! Выдержать! – стучал в его мозгу приказ самому себе.

Этот приказ отзывался в пасующем от усталости мозгу странным эхом, метался по нему, словно летучая мышь в огромной пещере, хаотично отражался от стенок черепа и никак не унимался. Он прямо-таки долбил изнутри мозги, стремящиеся скинуть с себя давление неутомимой воли и забыться в спасительном сне. Однако какой-то участок коры мозга, особо настырный и, видимо, ответственный за ту самую волю, стоял намертво, как Брестская крепость, и не разрешал Степану покидать воображаемые позиции.

Истязание продолжалось.

Мозгу, бесконечно уставшему в последние месяцы от множества бессонных ночей и нешуточных волнений, требовался продолжительный отдых, но повседневное существование Степана, подчиненное служебному долгу, переполненное непосильными для большинства людей физическими и эмоциональными нагрузками, редко дарило подряд хотя бы две спокойные ночи.

По нынешнему разумению Степана, счастьем для него оказалась бы любая возможность всего-то проспать в своей постели с вечера и до утра. Чтобы не вскакивать в холодном поту от кошмаров – прошлых или грядущих. Проспать, оставив где-нибудь давящую ношу ответственности за служебные дела, за своё подразделение, за результаты последних учений, контрольных занятий, дисциплину подчиненных, вполне обоснованные претензии командиров и начальников, и вечную спешку во всяком деле, спешку, спешку. Всегда одно и то же: «Давай! Давай! Давай!»

Но покой, как немыслимое блаженство, приходил к нему лишь в отпуске. Да и то, в самые первые его денёчки. А потом обязательно возникала и мощно давила на психику незатихающая тревога, садистски призывающая поскорее вернуться в знакомую до боли действительность. И беспокойство уже не оставляло Степана, едва окунувшегося в желанную для большинства безмятежность. В конце концов, он, бурно осуждаемый собственной супругой, своей единственной и ненаглядной Ольгой, всякий раз выходил на службу раньше срока. И как по команде его покидала гнетущая неопределенность праздного бытия и странное, необоснованное, но прямо-таки невыносимое ощущение собственной ненужности в непонятном ему мире неги и спокойствия. А на службе душа Степана опять забывалась, и впредь всё в ней оказывалось на своих местах и в привычном порядке.

– Ну, что вы за люди такие, неприкаянные, эти ракетчики! – взывала к его разуму жена. – Будто без тебя там всё рухнет?! Ничего же не случится! И на гражданке ведь встречаются чудачки, которые вершат великие дела за счет своего здоровья и своей семьи, но скажи мне, зачем тебе надо повседневную работу превращать в непрерывный подвиг? Ну, скажи, зачем?

Можно ведь работать спокойно, размеренно, как все! Вы же себя изводите! Не остается вас, по большому счету, ни для службы, ни для семьи, ни для жизни! Ни для чего! Да что я обо всех! Ты нам нужен! Понимаешь, только ты?! Мне и сыну нашему! А ты со своим империализмом что ни день по лесам и пустыням состязаясь! Для заклятого врага у тебя больше времени находится, нежели для родных людей! И кто твой подвиг вознаградит, кто и когда оценит твоё героическое бескорыстие?

Степан упорно отмалчивался. Он знал, что Ольга в каждом подобном порыве не роптала и не просила его о помощи – она переживала за мужа всей душой, старалась во всём помочь, даже угодить, но просто не имела для этого никаких разумных средств. Разве что некоторых, сугубо бытовых, хозяйственных, для которых у Степана редко оставалось время. И Ольга уже давно все домашние заботы взяла на себя, однако по-прежнему всё то, что скрывалось от неё за армейским забором, представлялось ей непонятным и враждебным. Потому-то в трудные моменты жизни, когда от безысходности руки, бывало, сами собой опускались, и сопротивляться превратностям судьбы не оставалось сил, именно служба мужа казалась ей причиной всяких семейных неурядиц.

Нет! Не подумайте плохого! Работу своего супруга Ольга уважала. По-своему, конечно. Уважала уже потому, что это была его работа, часть жизни любимого ею человека, но и ненавидела её, как могла, за то, что подолгу отнимала у неё её родного Степана! Ольге всегда хотелось быть рядышком, хотелось чувствовать его заинтересованное участие, его нежность. Хотелось поболтать с ним о своём, поделиться чем-то интересным. Ведь он же – её муж, наконец! Или уже нет?! Ну почему всякий вечер он является домой, выжатый как лимон, и, хотя крепится, не жалуется, даже шутит, но ей уже не помощник, не опора – где прислонится, там и заснёт.

Впрочем, даже в таком состоянии Степан возвращался домой не всякий вечер – то, видите ли, наряды у него, то тактические учения батареи, потом тактические учения дивизиона, потом учения бригады, потом полевой выход, и снова бесконечные наряды и учения, наряды и учения... Сколько же можно? За что жизнь такая? И почему на одного человека можно навалить столько обязанностей, ответственности, забот, тревог? Зачем и ей приходится всё это чувствовать, терпеть, переживать, переносить?

Но Ольга по-настоящему любила своего Степана. Любила той высокой и верной любовью, которой позавидовала бы любая книжная Джульетта. Впрочем, этому сказочному персонажу, думала Ольга, не пришлось в полной мере познать настоящих трудностей, которыми переполнена семейная жизнь каждой жены офицера-ракетчика. Но, несмотря на это, у Ольги даже в самых укромных уголках души не возникло сожаления о том, что пять лет назад она связала свою жизнь со Степаном. Даже не помышляла она никогда поддаваться разлучающим их обстоятельствам, чего бы между ними не происходило. Не смогла бы она своему Степану и изменить. Не то, чтобы закрутить по-женски с кем-то лихой романчик, но даже с собственной слабостью, леностью или тревогами считала сделать это невозможно. Поддаться, значит оставить любимого человека наедине с его трудностями. Потому-то Ольга считала, что во имя Степана, во имя их семьи, нет у неё права уставать, капризничать или выпрашивать то, что не допускает строгая и неумолимая служба мужа.

Вот так, сражаясь с одиночеством, усталостью, обидами, Ольга постепенно стала той – настоящей по своей сути, – идеальной женой офицера, которая воплотила в себе самоотверженность и бесконечную преданность, ответственность за мужа, за все его дела, за своё семейное поприще, за их маленького сына.

Незаметно для неё гипертрофированная ответственность, которую она искренне осуждала в своём Степане, в полной мере стала главной чертой и её характера. Ведь так всегда случается с любящими людьми, которые не мыслят своего существования без родной половинки, хотя и понимают, что и он, и она не могут во всём принадлежать только себе, только своим мечтам, только своим желаниям. Большой мир людей, в котором всё сложнейшим образом

переплетено самыми различными делами, обязанностями, заботами, ответственностью и даже случайностями, требует и от них каких-то, иногда очень болезненных жертв. И всё равно по-настоящему любящие супруги обязательно прорастают друг в друга! Становятся в чём-то даже внешне взаимно похожими!

Едва Степан повернул дверной ключ, как на него обрушилась бурная радость жены:

– Стёпушка! Какой же ты всё-таки молодец, что появился в эту минутку! А то уж я и не знала, как быть! Мне бы в поликлинику сбежать, пока ещё принимают... Ты же знаешь... А для тебя уже всё приготовлено. Ты ведь сможешь сам пообедать? И Серёженьку покорми, пожалуйста! Да спать уложи. А я постараюсь вернуться до твоего ухода. Хорошо? Ну, я побегала? Целую тебя!

Жена умчалась, а Степан сориентировался на кухне, умыл сына, основательно намочив ему рукава, и стал заботливо кормить. Завершить это дело удалось минут через двадцать, после чего Сережка принялся играть в кубики, а Степан лишь чуток ковырнул что-то вилкой в тарелке. Аппетит заглушало сильнейшее желание спать, которое от монотонности действий за столом ещё больше затупляло сознание. Но даже теперь, когда вроде бы всё уже сделано, но сын ещё не спит, свой сон был не во власти измученного Степана.

– Папа! А почему мой кран падает и падает?

– Возможно, и ему пора спать! Как и тебе! Пошли, сынок, приляжем? Я тебе спинку пощекочу.

– Нет! Я сплю с мамой! Ты не умеешь меня засыпать...

Вот те раз, подумал Степан. Довоевался, солдат! Он глядел на играющего сына, но глаза слезились, наполняясь липким туманом, и, как не крепился Степан, он всё же провалился в некое подобие сна. Мышцы расплзлись как повидло, не в силах напрягаться, мозги, будто оплавившись, отказываясь соображать. И Степан, наконец-то, сдался на милость ситуации, однако через минуту его руку интенсивно затеребил сын.

– Ты не спи, папка! Мне страшно так. Ты очень громко храпишь!

Степан встрепенулся, решительно сгреб наследника в охапку и перенёс его на диван.

– Давай-ка здесь полежим немного, маму подождём, – предложил он, едва выговаривая слова непослушным языком, клеящимся к нёбу. – Слушай сказку, сынок...

Но сказка продолжалась недолго: сознание Степана опять с тошнотворным головокружением куда-то провалилось. Неизвестно, сколько бы продолжался этот мучительный отдых, но сын повторно его нарушил:

– Папуля! Давай с тобой рисовать!

Степан, пробормотав что-то невнятное, предложил сыну начать самому и пообещал присоединиться позже, даже зажал в свой руке какой-то фломастер.

– Нарисуй, сынок, голубя. И нашу маму – с бо-о-ольши-и-ми крыльями! Пусть она скорее к нам прилетит...

Сын на некоторое время угомонился, занявшись акварельными красками, а Степан провалился в прежнее полузабытьё. В какой-то миг ему вдруг почудилось, будто будильник остановился, и из-за этого Степан безнадежно проспал. Через силу раскрыв глаза и, шурясь от яркого света, он некоторое время мучительно следил за минутной стрелкой, идёт ли будильник, поскольку шустрюю секундную давно уничтожил Сережка. Такое же время показывали и наручные часы, потому измученный Степан незамедлительно вернулся в свой сон.

Когда же старый будильник добросовестно закричал, что следовало воспринимать как назначенное время подъёма, Степан наугад, не открывая глаз, шлёпнул его рукой, сразу попал, куда требовалось, и опять успокоился в липком тяжёлом сне.

Повторно он проснулся от странного ощущения, будто будильник с ускорением мчится в обратном направлении. Во сне Степан долго и бесполезно пытался понять, как такое возможно, и что из этого следует, но вдруг сообразил – да он же проспал!

Дальнейшие действия подчинялись самым стремительным сборам. Китель, галстук, фуражка, ремень с португеей, кобур...

Взгляд в сторону, походя: Сережка умилительно спал на корточках, прямо на полу, смешно задрал кверху попку. Подушкой ему служил альбом для рисования. Степан не посмел перенести сына в его кровать, опасаясь, что он некстати проснется. Теперь вся надежда только на супругу – скорее бы вернулась – уходить придётся, очевидно, без неё. Как же спящего Сережку оставить одного? Да ещё на полу. Очень плохо, но иначе нельзя – опоздает. А это не просто плохо, а хуже того – полный кошмар! Даже представить страшно, что произойдёт в дивизионе, когда вовремя не появится заступающий сегодня начальник караула! Это он, Степан, не появится! Нет-нет! Только не это! Тогда его не только командование подвергнет обструкции, но и товарищи спасибо не скажут, ибо кому-то из них придётся внезапно его подменять.

Так и не дождавшись Ольгу, Степан вылетел из квартиры и рванул вниз по лестнице. Он мчался, не глядя на часы, ведь каждый метр пути многократно вымерен; понятно и без часов, что для личного спокойствия следует наверстать хотя бы минут десять. Как это сделать на маршруте, который обычным шагом Степан преодолевал за тридцать восемь минут? Трудная задачка, если, конечно, не бежать во весь опор! Но бежать днём в черте города как-то неудобно. Ещё прохожие подумают, будто война началась, мысленно пошутил Степан.

Погода третий день подряд баловала горожан тем сказочным этапом осени, умеренно теплым, стабильным и сухим, который для Прибалтики всегда кажется подарком. Но приближение холодов и затяжных дождей, бесконечно нудных, интуитивно всех напрягало, и теперь горожанам предоставлялась, пожалуй, последняя возможность слегка отогреть душу вдогонку нежаркому лету. Впрочем, столь невинное блаженство могли себе позволить лишь избранные, к которым Степан не относился. Однако медлительные старушки с хозяйственными сумками и молодые мамы с колясками или с малышами, уже вышагивающими самостоятельно, это чудное время напрасно не теряли, специально подставляясь остывающим солнечным лучам.

И всё-таки прохожие попадались удивительно редко, хотя Степана такое безлюдье вполне устраивало – не хотелось демонстрировать отчаянную спешку, как явный признак личной неорганизованности. Его сапоги звонко цокали по мелкому булыжнику тротуара, затейливо и любовно выложенному сотни лет назад аккуратными немецкими рабочими. В ту пору этот старинный прусский городок ещё назывался Инстербургом, и лишь после войны он вошёл во вновь образованную Калининградскую область России под названием Черняховск. В честь достойнейшего генерала армии, героя войны, Ивана Даниловича Черняховского, командующего фронтом, смертельно раненного неподалёку от этих мест.

Степану город нравился – всё-таки западная Европа с её замечательной архитектурой! А многие его однокашники, почти все, отправились служить в дремучее Забайкалье или в пустынно-степную Монголию – чтобы китайские «друзья» не строили на наши просторы своих коварных планов. И потом друзья-офицеры Степана в каком-нибудь захолустном Нерчинске спрашивали друг друга с безнадежным ехидством:

– Понятно, как Декабристы в этой ссылке на всю жизнь оказались! Это – из-за неудавшегося дворцового переворота! А мы-то за что?

Странно, но за многие века главная улица уютного городка не претерпела существенных изменений. Она и сейчас полого спускается к прямоугольной городской площади. А старинные и весьма мрачные здания, расположившиеся с обеих сторон улицы, слегка украшаются разлапистыми и могучими каштанами, стойко противящимися неизбежному листопаду.

Древняя проезжая часть, выложенная из крупного тщательно отполированного ещё до укладки булыжника, ничуть не изношена и свято хранит средневековые секреты немецкого дорожного строительства, почему-то известные любым, даже самым маленьким населенным пунктам Германии. К бордюрам проезжей части плотно притерлись приподнятые на вершок

велосипедные дорожки. Прямо-таки, милая экзотика для российских граждан. И они, эти дорожки, конечно же, тоже выложены красивым каменным узором, только более мелким. А уже на периферии, вплотную к домам примкнули к этим дорожкам достаточно широкие мозаичные тротуары, выложенные со вкусом и любовью из разноцветного гранита.

Ожидание автобуса, дабы сэкономить несколько минут, Степан посчитал авантюрой. И это вполне соответствует правилам небольших российских городков. В них доверяться можно лишь собственным ногам. Правда, и сегодня жители Черняховска иной раз очень горячо обсуждают историю своего столь маленького немецкого городка. При этом кое-кто, особо осведомленный, обязательно к месту или не очень, но с гордостью вспоминал, как до войны в городе работало целых четыре троллейбусных маршрута. И это притом, что весьма прогрессивные троллейбусы тогда позволял себе иметь лишь столичный Берлин. Потому все замолчали, не понимая, как это немецким горожанам удалось такое всего-то при пятнадцати тысячах населения! Нам этого, кстати, и теперь не понять!

Потому и Степан теперь без помощи городского транспорта, никогда не проявлявшего должной активности в перевозке безлошадных советских граждан, энергично приближался к цели. Поначалу ему очень льстили приветливые улыбки встречных женщин, но потом настояжилось, почему улыбаются, казалось, все они без исключения. Тогда он привычно прошёлся рукой сверху вниз – фуражка в порядке, галстук на месте, воротник не задрался, все пуговицы застёгнуты, пряжка ремня посередине...

– Всё в норме! Значит, полный вперед! И без мешающих сомнений! – зафиксировал результаты проверки Степан, не замедляя напряженного ритма ходьбы.

Спустя минуту он свернул в покатый переулок, быстро преодолел очередные сто двадцать шагов и запрыгал по крутой лестнице вниз, пропуская для скорости сразу по четыре истертых гранитных ступени. Затем, не снижая темпа, вылетел на вершину роскошной арки горбатого моста (немцы когда-то называли его более романтично – радужным) и, сбегав с покатой половинки, устремился вдоль убранного недавно поля и берега реки Анграпы. Она постоянно без устали закручивает свои воды в замысловатые черные омуты. На этом отрезке пути вряд кто-то повстречается, потому Степан поднажал ещё активнее, временами переходя на спортивный шаг и чередуя его с короткими перебежками. Под плотным кителем и форменной синтетической рубашкой давно шевелилась струйка пота.

Вспомнилось, что в ближайшее воскресенье на этой дорожке ему предстоит очередной кросс. Три километра. Впрочем, военные говорят иначе – три тысячи метров, ибо преодоление каждого из них – это тяжелая работа, требующая незаурядной физической выносливости и предельного напряжения воли. Только спортсмены-стайеры, пожалуй, понимают особенности столь мучительной борьбы на дистанции с самим собой.

После старта каждый раз всё начинается, вроде бы, совсем неплохо, даже весело, но лишь пока... Пока через сотню метров не начинаешь задыхаться из-за предельной нагрузки и мучительной нехватки кислорода. И с этого времени где-то в глубине сознания в работу обязательно вступают предательские настроения, изошренно убеждающие сдать, прекратить этот садистский бег, это издевательство над собственным организмом.

– Остановись, тяжело ведь только сегодня! Следующий раз бежать будет легче. Остановись, передохни, ничего ведь страшного не случится! Переживешь!

Если коварные соблазны всё же преодолены, если сразу не сдался, то немного погодя, когда становится жаль уже потраченных сил и времени – ведь придётся когда-то опять перебежать эту дистанцию заново – станет чуток легче. И уже разбежался! Уже ничто не мешает бежать, только рви вперед! Только не сдавайся, не ищи даже капельки отдыха до самого финиша! Только нажимай!

И на каком-то этапе напор воли и собственная физическая сила начинают-таки действовать заодно. Бежать становится почти легко и даже приятно. Но столь желанная идиллия

обычно продолжается короткое время, ибо с какого-то момента все мышцы, долго изнуряемые беспредельным напряжением, вызывают к немедленной пощаде. Больше они не в состоянии выдавать свою прежнюю мощь. И приходится чудовищным усилием воли заставлять их работать сверх возможного предела! Заставлять, несмотря на реальную физическую боль, остро режущую каждую клеточку организма, жестоко насилуемого во имя весьма странной, как многим представляется, и ненужной цели.

А перед финишем, когда уже и сам бы рад неистово рвануть, чтобы разом закончить все мучения, сил для рывка не остаётся. И сапоги, которые, как говорят шутники, нужно только разогнать, чтобы дальше они сами тебя понесли, вдруг становятся неправдоподобно тяжёлыми, едва отрываемыми от, как кажется, раскалившейся под натруженными ступнями земли. Да и самые последние секундошки этого чудовищного напряжения представляются почему-то странно короткими, будто они предательски сжались, мешая буквально втиснуться в жёсткий временной норматив... А если не втиснулся – то проиграл!

После состоявшегося финиша ещё долго и мучительно пылают натруженные легкие. Тяжёлыми судорогами схватывает уставшая поясница. Едва держат дрожащие ноги. И всё-таки, какое же счастье испытываешь от непростого преодоления того, что минуту назад казалось невозможным! Какое счастье победы над собой плещется в душе! Как радостно сознавать, что всё выдержал, несмотря ни на что, не сошёл с дистанции, не увильнул, не сдался! Ей богу, это ощущение стоит того, чтобы повторять его ещё не раз!

Степан всегда отлично выполнял любые нормативы, как бы тяжело это не давалось. Но в ходе последнего кросса – месяц назад – он едва дотянул до финиша. Да и то, лишь за счёт воли. И впервые заработал позорную тройку, поскольку голова на дистанции непривычно раздулась, невыносимо разболелся затылок, и походу его даже вырвало. Впервые перед собой он увидел спины удаляющихся товарищей. Но командир батареи тот срыв его заметил сразу:

– Ты с похмелья, что ли?

Степан тяжело дышал, опершись от бессилия на придорожное дерево и, наклонившись всем телом вперед, словно опять готовился вырвать. Он осуждающе мотнул головой. Мол, мог бы и не спрашивать, сам знаешь, что пьяным я не бываю даже в праздники. И даже после тактических учений, когда уже всё-всё благополучно закончилось, нервное напряжение спало и, как говорится, сам бог велел принять «по чуть-чуть», и редко кто-то из офицеров себе отказывает, Степан алкоголю не поддавался! Ни душа, ни желудок его не переносят!

– Если заболел, так сходи к врачам! Вообще-то армии нужны здоровые офицеры! – донимал его комбат.

– Где же здоровых взять, если остались лишь здорово замученные? – вытираясь платком, огрызнулся Степан.

Но и комбат не смолчал, будто нет рядом никого, к кому ещё можно прицепиться. Ему-то сейчас проще – он не бежал рядом со всеми, надрывая собственные жилы.

– Ты, старлей, не огрызайся, а служи стране на совесть! Хотя и не надрывайся! А то ведь так и до пенсии не дотянешь. Будто не знаешь, что не каждому офицеру это удастся! Иные счастливики всего несколько разок её и увидят... А кое-кто вообще не дотягивает! Потом почетный караул пальнет три раза – и начинай всё сначала! Так что сходи-сходи, Степан, к врачам, пока не поздно! Пусть проверят, какой предохранитель перегорел. В санаторий путевку возьми, наконец...

– Спасибо, товарищ майор! Я попробую заняться...

Никуда он, конечно же, не пошёл и не занялся. Не смог, даже если бы стремился изо всех сил. Просто нет никакой возможности выкроить на это время. И без врачей дел всегда навалом, от которых не отмахнешься – вмиг задушат! Лечиться – лечись, но виноват во всём в случае чего, только сам и окажешься! Кому какое дело – больной ты или здоровый! Дело – прежде всего! И персональная ответственность! Да ещё накануне проверки! Однако незарегистриро-

ванное нигде женское военное агентство сработало исправно, и сведения о последнем кроссе без промедления достигли ушей Ольги. В отличие от супруга, она встревожилась не на шутку.

– Стёпушка, что-то мне страшно становится... У тебя же все симптомы гипертонического криза. Ну, сходи, пожалуйста, в госпиталь! Ну, ради нас с Сережкой! Сходи! И путевку тебе ведь предлагали – знаю!

– Не волнуйся ты так, Оль! Ну, не доспал я прошлый раз... Помнишь, всю ночь Сережка выдавал? Да наряды шли подряд... Отдохну немного и снова стану сильным, как лось или мамонт! А насчёт путевки – даже не думай! Во-первых, я без вас никуда не поеду. А семейную путевку, да ещё с маленьким ребенком, не дадут нам даже на январь! А во-вторых, мы же в отпуске опять к родителям поедem. К твоим – в Ленинград, а потом к моим, в Сумы. Просто обязаны! Иначе у нас и не получится.

– Можно разок и пропустить, ради такого дела. Я всем объясню! Они не станут обижаться!

– Ну и когда мы поедem? Зимой?

– Стёпушка! А ты попроси! Ты не гордись! Может в тёплое время путёвку дадут, а тогда тебя и со службы отпустят. С путевкой-то!

– Просил уже я как-то... Словно каждому обязан! А меня всё равно только пожевали да и выплюнули! Комбат ещё и поиздевался:

– Смотрите на него! Ребёнок у него оказывается маленький! А потому, видите ли, отпуск ему летом нужен! Ну и ну! Лучше бы ты сразу бы большого сына родил, как у меня! И засмеялся. Надо мной засмеялся!

– Я, конечно же, взбрыкнул, а он в ответ – подумаешь, какой обидчивый! Уже и пошутить нельзя! Я же знаю, подрастёт твой Серёжка, ты опять придёшь ко мне за летним отпуском, чтобы школу не пропускать! Выходит, что тебе отпуск всегда летом нужен? А планировать отпуска положено равноме-е-е-рно! Чтобы не подрывать боевую готовность! Всем нужно летом, но если на дворе январь холодный – едет в отпуск Ванька взводный; если на дворе июль палит – едет в отпуск замполит! То есть, как я понимаю, не ты, Степан Петрович! А у тебя в октябре отпуск уже был! И в марте, насколько я помню, тоже был! А в прошлом году ты вообще в мае отдыхал, как настоящий буржуй! Значит, сам бог тебе велел готовиться на январь-февраль! И, пожалуйста, без обид! Всё – по справедливости!

Дорожка, оттесняемая излучиной реки, вильнула вправо и окунулась в жиденький пере-лесок. Степан продолжал нажимать, зная, что впереди вот-вот появится просвет – выход на улицу Ленинградскую, а уж она и есть заветная финишная прямая. Она протянулась на тысячу триста сорок шагов до самого КПП (контрольно-пропускной пункт), то есть, до конечной цели. Шаги, конечно, подсчитываются – плюс-минус, ибо абсолютной точности всё равно не достичь. Хотя теперь трудно вспомнить, сколько раз приходилось это делать! То, возвращаясь в одуревшем от усталости состоянии после завершения учений, то с перегрузки ракет – и то, и другое всегда приходится на ночь – то после проведения вечерней поверки в казарме...

В таких случаях от усталости и сонливости думать не хочется. Да и не получается как-то. Всякая клеточка измученного организма мечтает сию же секунду – промедление есть истинная пытка – оказаться в постели. Под легким, но тёплым одеялом. И чтобы соскучившаяся супруга до поры не донимала, и чтобы сын своим сонным криком не беспокоил. Однако достаётся такое благо не сразу – к нему ведёт изнурительная дорога через мирно спящий город. И придётся ещё долго, почти смирившись с безнадежной реальностью, монотонно проталкивать потяжелевшие сапоги к заветной цели. И тупо считать свои шаги, чтобы морально облегчить тягостный путь и наполнить его хоть каким-то практическим смыслом.

И всё же, случается иногда, силы и нервы сдают настолько, что так бы и сел, казалось, где придется, прямо на дороге, и мгновенно отключился бы от бесконечной и опостылевшей суеты столь несправедливого к нему мира! Но ведь не сел ни разу! Более того, всякий раз продолжал

настойчиво, хоть и уныло, почти с физической болью в душе, брести всё дальше и дальше от части, и всё ближе и ближе к дому, к жене, к нормальной человеческой жизни, которая, как известно, войсковым офицерам в полной мере недоступна.

– Боже мой! – накатывало иной раз на Степана. – Да любой же штатский, изнеженный правами на труд и отдых, о которых офицеры и вспоминать-то не имеют права, с ума бы съехал, если бы пришлось отработать несколько суток подряд! И днем! И ночью! Без перекуров и перерывов! И без сна, и без нормальной еды, в холоде или в поту, и мокрым насквозь... А ещё ведь и нервишки несколько всё усложняют... Они всегда натянуты до собственного стога. И всё оттого, что конечный результат всей твоей непростой работы, а также действия подчиненных тебе людей, и миллион нелепых случайностей, всё это способно в любой миг и с легкостью поломать твою карьеру, самоощущение и всю последующую жизнь...

Но и потом, когда все испытания (не последние, разумеется!) благополучно завершились, когда налицо чистая победа, и отличная оценка уже в кармане – долгожданного отдыха всё равно не видать! Так всегда бывает! Ведь «закручивать гайки» после всяких тактических учений, после решения любой, мало-мальски важной задачи, именно в то время, когда люди, честно исполнившие свой долг, получают веские основания почувствовать себя победителями, – это же традиционная армейская практика поддержания дисциплины. Чтобы, знаете ли, не расслаблялись, чтобы не задурили ненароком, чтобы не возомнили о себе лишнего и не подумали, будто бога взяли за бороду! И потому любому войсковому офицеру после каждого трудного, но преодоленного этапа вместо заслуженного отдыха гарантируется бесконечное изнурение! И потому, едва появляется возможность слегка перевести дух, немедленно ставятся новые задачи, подразумевающие, что о старых заслугах следует забыть – теперь оценивать вас будут уже по новым результатам! А какими они будут – зависит от вашего умения, терпения и самоотверженности!

Впрочем, в противовес войсковым, бывают и иные офицеры. В войсках их иронично называют паркетными. И пусть среди них встречается немало людей, также беззаветно преданных общему делу, – не будем хоть сейчас вспоминать о других – только их служба, как ни глянь, всё равно напоминает рай. Она – сродни штатской жизни! Обед у них, видите ли, по распорядку! Обязательные выходные по субботам и воскресеньям! Сапоги не сношены, поскольку в них нет необходимости, а вместе с тем и нервишки прекрасно сохранились, знакомые с невероятным напряжением изматывающих войсковых будней. А со стороны они для всех штатских, чисто по внешним признакам, такие же офицеры, как и войсковые. И мало кому придёт в голову, что лишь военная форма одежды у них настоящая, а офицеры-то они – паркетные. Потому настоящих, войсковых офицеров, люди несведущие из общей военной массы никак не выделяют! И напрасно! По форме все офицеры одинаковые, да только по своей сути – все они разные! Одни способны на подвиги и совершают их, если придётся, другие же прячут тело жирное в утёсах...

Между тем, время идет! Ещё чуток, и Степан окажется на месте. И прибывает он, несмотря ни на что, кажется, вовремя. Надо же! Всё-таки навестал! Наш человек! Правда, раньше, всегда и всюду, он появлялся заранее, имея в запасе хотя бы минут десять или двадцать. Но сегодня и это хорошо! Никого же не подвёл и себя не опозорил!

Пролетев мимо дневального, Степан не успел понять причину его удивления и начатого, но незавершенного армейского приветствия: поднятая рука дневального странно зависла в воздухе. Степан пулей ворвался в канцелярию батареи. Комбат его, видимо, давно ждал:

– А я уже слегка занервничал, Степан Петрович! Ты ведь всегда с ефрейторским зазором прибываешь, а теперь... Ладно об этом! К слову пришлось! Твой караул я проинструктировал, ведомость оформлена, оружие у личного состава в порядке – я всё проверил! Так что, расписывайся за патроны... Впрочем, без меня всё знаешь, и – бегом на развод! Вот только объясни

мне, будь добёр, зачем тебе этот театральный маскарад? У нас ведь подобное творчество не все без долгого разъяснения поймут!

– И я не понял! – удивился Степан. – О чём это вы?

– Намазался-то зачем?

Степан стремительно оглядел сапоги, китель... Но ничего необычного не обнаружил. На его лице отразилось недоумение.

– Да ты что, Степан Петрович, под наркозом побывал, что ли? – будто специально накручивал его комбат. – Ты к зеркалу-то подойди! Подойди!

В зеркале Степан себя не узнал. На него уставилась странно-агрессивная физиономия, на две трети безжалостно разукрашенная неизвестным художником. Очевидно, творец не очень строго придерживался определенного направления в портретной живописи. Тем не менее, в своём стиле он, пожалуй, тяготел к модерну. Крупные и бесформенные мазки акварели густо легли на лицо. Преобладали ярко-желтые, коричневые и синие тона, но имели место и черные, и красные пятна, неплохо оттенённые естественным цветом здоровой кожи лица. После затейливой обработки оно сильно напоминало палитру – неперемный инструмент любого художника, на котором он, смешивая различные краски, добывается желаемого оттенка. Особенно досталось усам. Казалось, они замыслу неведомого мастера поддавались с трудом, и он потратил уйму времени, чтобы сделать усы абсолютно неузнаваемыми. Надо признать, в конце концов, затея удалась в полной мере.

Струйка пота побежала меж лопаток Степана, лоб покрылся испариной, отчего некоторые элементы художественного шедевра стали расплываться и терять четкость линий.

«Боже мой! И в таком виде – через весь город! Ещё и радовался, когда встречные девушки улыбались! Да в нашем городке через пять минут все будут дружно хохотать надо мной! Ну, Сережка! Ну и удружил, ваятель доморощенный!»

Степан поспешно вылетел из канцелярии, но по дороге к казарменному умывальнику, куда он устремился, поневоле продемонстрировал художественные достоинства своего приобретения всему составу своего караула. Солдаты и сержанты, расступившись перед Степаном, среагировали по-разному, но не это беспокоило его, а то, что на долгое время он станет посмешищем в глазах очень многих незнакомых людей, которым ничего ни объяснить, ни оправдаться. И они всякий раз, едва завидев Степана в городе, будут перешёптываться, вспоминая эту смачную историю, и посмеиваться между собой.

Он решительно зачерпнул холодную воду в ладони и окунул в них лицо. Когда сквозь пальцы просочились цветные разводы, Степану вспомнился незабвенный Воробьянинов, будь он неладен, с его радикально черными усами.

Степан вспомнил этого комика и облегченно рассмеялся:

– Да, шут с ними, с усами! Я и в более серьезные переплеты попадал! И ничего! Людям бывает полезно посмеяться! А теперь – вперед! За орденами!

У дежурного по части Степан торопливо получил пистолет. Почти окончательно успокоившись, он снарядил черные обоймы холодными желтыми патронами и стремительно вернулся в канцелярию. По пути привычно велел дневальному объявить построение состава караула перед казармой, скрутил в трубочку караульную ведомость и на выходе услышал от комбата:

– Так что это было, Степан?

– Пустяки! Мазь какая-то! Против аллергии! – нашёлся Степан.

– Надо же! – усмехнулся комбат. – Ты, Степан Петрович, в карауле уж найди время, дабы своему Голтвенкову мозги прочистить. Опять его старшина в столовой уличил: снова он молодежь третирует!

– Его уже не воспитывать следует – это давно не помогает! Его бы в чучело превратить, а мозги не нравочениями заполнить, а соломой!

– Сам набрал себе москвичей, вот и мучайся!

Степан не стал возражать, вспоминая, каким образом ему достались все московские оболтусы того призыва. Ведь он тоже знал не хуже остальных офицеров, что призывник из Москвы для любого подразделения, всё равно как чума. Причём, все они именно такие, как на подбор. Все надменны, все болтливы, все готовы бесконечно бороться за какие-то мнимые свои права, в то время как за них во всём вкалывают нормальные парни из глубинки. Но москвичей к совести взывать без пользы! Нет совести у них, не зародилась! Видимо, в Москве воспитательная среда для этого не очень питательная! И как ни удивительно, но за долгие годы ни одного нормального по человеческим меркам москвича в их дивизионе так и не объявилось! Даже в виде исключения! Все попадались только гнилые! Надо сказать, среди призывников большой страны всякого рода чудачки встречаются (что уж об этом говорить!), но если этот призывник – москвич, то уж получи, взводный, как говорят, свою долгоиграющую мину!

Комбат молчание Степана принял в качестве запоздалого раскаяния и добавил:

– С заряданием-разряданием автоматов будь там внимательнее. Сегодня после обеда второй дивизион опять отличился. Снова они, сдуру, пальнули при разрядании! Хорошо ещё, хоть в пулеулавливатель! Но и того достаточно, чтобы впредь на каждом совещании их полоскали! Смотри там в оба! И не жмурься!

– Будет сделано, товарищ майор! Жмуриться не стану! А кто у них начкаром сегодня стоит?

– Кажется, Варламов...

– Надо же, как Валерка прокололся! Достанется теперь, будто сам стрелял. Не повезло!

– Ты это брось, насчет везения, – в сердцах оборвал его комбат. – Ему следовало свои обязанности добросовестно выполнять! Небось, разрядание очередной сменой проспал, не контролировал. Или доверился разводящему! Вот и заполучил, что заработал! Ну, иди, иди!

– Я ещё Аброскина хотел увидеть... Когда из дома убежал, то жена из поликлиники не вернулась. Пришлось мне своего Серёжку одного дома оставлять. Спящего. Теперь сутки душа будет не в том месте. Может, товарищ майор, вы Аброскину передадите, чтобы вечером к моим заскочил... Чтобы узнал, что там да как?

– Не волнуйся, Степан Петрович! Я всё сам организую. А под утро, часа в четыре, когда совершенно неожиданно явлюсь к тебе с проверкой караула, то и доложу всё, как есть. И не бери, Степан, дурное в голову, а тяжёлое в руки! Вечером же зайду к твоей Ольге, помогу ей, в чём надо! Горячий привет от тебя передам! Может, она меня даже чаем угостит, если твоего гнева не боится! Ну, ладно! Выдвигайся же на развод! Не тяни зря резину за хвост!

2010 г., сентябрь

Эх вы, люди...

И к чему это, спрашивается, в памяти всплыли те давние и нерадостные события? Да ещё столь четко привиделись, будто случились они только вчера!

И хуже всего, что теперь, пока я все те подробности буквально не обмусолю, они будут меня неустанно преследовать. Ведь было в них и плохое, было и нечто-то хорошее, что забывать нельзя.

А случилось всё так! В ту далекую пору, словно по воле злого рока оказался я участником некоей автомобильной аварии. Не столь уж серьезной, без жертв, но всё-таки аварии. А любому, кто сидел за рулем автомобиля, не надо объяснять, насколько это событие унижительно. Не говоря уж, об угробленном напрасно времени и потерянных деньгах!

Ко всем моим неприятностям, мне же на беду, именно я оказался виновником того ДТП. А ведь всего-то неудачно объехал преступно кем-то оставленный открытым люк на проезжей части. Потому соскользнул с сильно выступающего над дорогой трамвайного рельса (тоже ведь чьё-то преступление – оставить торчащий рельс), ушёл в занос. Ну а дальше, хоть и на маленькой скорости, но я задел крохотный японский грузовичок, прижавшийся к тротуару. Тот грузовичок, как выяснилось позже, оказался единственным средством, помогавшим грузину Вахтангу выживать вдали от его родины.

При столь невыгодных для меня обстоятельствах мы и познакомились. Сразу договорились ГАИ не вызывать. Эти деятели в форме лишь испортят нашу кашу, да ещё себе львиную долю оторвут! А я и без них тогда пребывал на грани нервного срыва, ибо нужной денежной суммы в запасе не имел, а занять у кого-то, да ещё срочно, тогда казалось невозможно.

Оно и понятно. У порядочных людей порядочных денег никогда не бывает! И даже если захотят помочь, так ведь нечем! Неприятительные текущие расходы до копейки поглощали мизерные зарплаты честных граждан. А все советские накопления в те тяжёлые для народа месяцы внезапно обесценились.

Ещё бы не так! Могучий Сбербанк вдруг объявил себя акционерным обществом! Считай, стал частной лавочкой, и «простил» населению огромной страны пятьсот миллиардов долларов, принадлежавших тому самому населению! И, главное, этот бандитизм сошёл с его нечистых рук, поскольку мы все, мучительно переживая ужасные девяностые, просто не знали, что с этим делать. Недаром в истории нашей страны те годы значатся периодом безжалостного предательства советского народа, демонтажа страны, стремительного обнищания основной части населения и ускоренного обогащения второй части, очень малой, но очень гадкой. И, конечно же, за счёт первой.

Немного попрепившись, мы с Вахтангом сошлись на том, что поврежденную обшивку его термокузова я отремонтирую за свой счёт. И уж моё дело, как я стану расплачиваться с мастерами.

Вообще-то, ремонт предполагался небольшой, можно сказать, косметический, но пластиковых панелей с особым тиснением, какое имели «родные» панели, с первой попытки мы не нашли. Их пришлось искать долго и мучительно.

Надо учесть, что после аварии моя машина нуждалась в ещё большем ремонте, нежели грузовичок Вахтанга. Из-за сильной деформации крыла, упирающегося в колесо, она ездить не могла. Хорошо хоть друзья помогли, откатив мою машину куда-то в свои гаражи для неспешного ремонта своими силами. То есть, из чего придётся и как придётся!

Для поисков панели мне следовало найти подходящий транспорт, ибо на такси не разъездишься. В этой ситуации Вахтанг проявил подлинное великодушие. Он, уже понеся по моей вине значительные убытки от простоя машины, согласился раскатывать со мной в поисках мастера, который возьмется добротнo отремонтировать термокузов грузовичка. Вахтанга это,

конечно же, сильно волновало, поскольку следы аварии значительно снижали рыночную цену его автомобиля. А продавать его когда-нибудь всё равно придётся.

Поначалу, разъезжая по рекомендованным адресам, я не был склонен к общению. Признаться, мне было не до того. Приходилось напряженно прорабатывать варианты поиска денег, а Вахтанг, видимо, понимая это, ко мне тактично не приставал. Так продолжалось долго, поскольку нам всюду не везло. И моя уверенность в успехе затеи, в которой я капитально увяз, таяла по мере уменьшения количества непроверенных нами адресов. Заодно и настроение всё сильнее портилось.

В конце концов, в списке остался единственный адрес маленького заводика автомобильных кузовов, расположенного за городом, куда мы и поехали, ещё питая некую надежду на удачу.

От того заводика за версту веяло привычным советским пофигизмом, но его прежнее дело, если судить по готовой продукции, дожидавшейся заказчиков на территории, окончательно не погибло. Оно вяло куда-то двигалось усилиями десятка сонных и не очень пьяных работяг, профессионализм которых подтверждался лишь сильно засаленными комбинезонами.

Мы с Вахтангом, миновали цех с распахнутыми настежь воротами. Видимо, в нём не работало освещение и пользовались естественным. Потом прошли в двухэтажную конторку. Там в должности главного инженера обозначился некто в обликии не иначе как самого Алена Делона. Он с ног до головы был обтянут новеньким джинсовым костюмом. Разумеется, импортным и, разумеется, фирменным.

Уже не помню, как действительно звали того моднячего деятеля, но сходство с французским киноактером нам и впрямь показалось разительным. И поскольку тогда сего смазливового француза обожали все советские женщины, то и наш главный инженер вёл себя подобающим образом. Он наверняка полагал, будто за указанное сходство и мы обязаны его обожать. Мы так не считали.

«Павлин или нарцисс», – решил я о нём и, как выяснилось позже, хоть и не ошибся, но не в полной мере оценил нравственную ущербность его натуры.

В процессе объяснения главному инженеру цели своего появления я и Вахтанг узнали от него о чём угодно, нежели об интересующем нас вопросе. Ален Делон артистически демонстрировал своё обаяние, каждым словом и движением внушал нам мысль, будто на этом «прекрасном» предприятии он король и бог! И вообще...

Нас, конечно, интересовало совсем не это, но приходилось терпеть, мало-помалу продвигаясь к тому затемненному цеху, которым мы пренебрегли поначалу.

«Следовало в него сразу заглянуть! Может, хоть там что-то для нас найдется», – думали мы, почти уверившись в нелепости своих надежд, поскольку ничего подобного нашей панели нигде во дворе не обнаружили. По всему видать, материалы, которые мы ищем, здесь не используются. Всюду валялись доски, деревянные бруски, прелые от дождя и времени опилки, какая-то дешёвенькая обивка из коричневого кожзаменителя...

В этот миг Ален Делон развязано обратился к одному из своих работяг, наверное, старшему среди них:

– Тимофеич! Приводи-ка свою гвардию в рабочее состояние! Добыча сама вам в руки катит! Отремонтируй дорогим гостям термокузов, и на вашей улице опять будет праздник! Сходи сам, погляди! Их машина перед воротами...

Через несколько минут Тимофеич с товарищами, которых предложение тоже заинтересовало, заверили нас, будто ремонт «обтяпают мухой», но панели точь-в-точь нам всё равно нигде не найти. Правда, можно поставить другую, очень похожую.

Вахтанг на похожую не согласился, и когда мы задумали покинуть заводик, кто-то вспомнил:

– Петро! Так у Ивана в гараже вроде такой же кусок валялся... Помнишь, он для курятника стащил... Иван-то после вчерашнего дома сильно болеет. Так ты не к нему... Ты сразу в гараж сбегай... Вот и примерим.

Через полчаса добытая в гараже панель, отмытая сильным напором воды, заискрилась на солнце, демонстрируя полное сходство с тем, что мы искали.

Отведя нас в сторону, Ален Делон с хищной улыбочкой объявил:

– Ну, что, господа! Радуетесь? Значит, по рукам? Тогда с вас триста, и мы начнем работу?

– ?

– А вы что думали? – усмехнулся доморощенный француз. – Пролетариат бесплатно, как было раньше, горбиться не станет! Не те времена!

– Не много ли пролетариату стало нужно? Вожделенное пойло ему значительно дешевле обходится, насколько нам известно! – попытался я призвать Алена Делона к справедливости, но он пренебрежительно сплюнул и цинично порекомендовал:

– Господа, стыдно считать чужие деньги! Но если вы столь порочны, имею честь сообщить: пролетариям достаточно и ста, а остальные, как известно, пойдут в фонд моего мира!

– Уважаемый! – вступился за мои деньги Вахтанг. – Зачем так не хорошо поступаешь? Бог над нами всё видит! Соотечественник в беду попал! Так? Ему каждый помочь обязан! Так? А наживаться на чужой беде совсем плохо! Так?

Ален Делон посмотрел сквозь нас и крикнул послушному Тимофеичу:

– Выпусти машину с территории! Они по ошибке заехали! Да проверь с пристрастием! Не прихватили бы лишнего!

Оказалось, пока мы пытались найти общий язык с алчным актером, Тимофеич незаметно подложил в кузов нашего грузовичка свою «болгарку», о находке которой теперь громко и с нескрываемой радостью объявил.

Это было чересчур. Видимо, давно отработано! И не однажды отрепетировано!

– Зачем ты так, уважаемый? – удивился подобному повороту Вахтанг. – Ты ведь знаешь, мы от тебя ни на шаг не отходили!

– Оказалось, что и я не всё знаю! – нагло засмеялся Делон. – Но мы всё узнаем! Вот только вызовем охрану и милицию. И тогда вы поймете, кого бережет моя милиция! А вас, разумеется, задержат до выяснения обстоятельств хищения технологического оборудования с территории государственного предприятия! Потом и поглядим, во что вам обойдется ремонт сильно неисправного автомобиля!

Я всё понял. «Мы попали в зависимость от совершеннейшего из ничтожеств, подлеца, представителя не самой лучшей ветви человеческой эволюции! Выживая в трудных условиях сам, он без колебаний губит себе подобных! А мы, наивные люди, давно привыкшие к подлинно человеческим отношениям, вляпались, словно кур во щи! Вон как вцепился, гнусный хищник!»

– Хорошо, я найду триста долларов! Но позже! – заверил я. – Пусть только ремонт начинают, как обещали! Мы спешим...

– Ремонт мы сделаем! Слов на ветер не бросаем! Но уже за пятьсот! – нагло ухмыльнулся Делон.

Для меня это стало новым ударом, но ответить равнозначно я в тот момент не мог.

– Это невозможно! – попытался я его остановить, понимая, что не смогу ни на что рассчитывать, пока не получу средство давления на этого негодяя, ведь он признаёт над собой лишь превосходящую его силу. Такой силы у меня нет. – Чтобы искать деньги, нам нужна машина... – известил я его.

– Сначала деньги, потом машина! – изгалялся от безнаказанности Делон. – Если вы уже согласны, то я распоряжусь, вас выпустят! Но без машины! А когда привезете деньги, будет и работа!

Вот ведь как странно получилось! На исконных землях славян по мере подталкивания великой страны к крутому обрыву опять стали властвовать такие, изжитые давно, казалось бы, дикость, варварство, насилие и унижение добропорядочных людей. Зло, ранее боявшееся поднимать голову в обществе, где устойчиво господствовала человеческая мораль, теперь активно выдвигалось на первый план повседневной жизни.

Торжество всего низменного, ни на минуту не покидая сцену современной жизни, уже перестало потрясать жителей! К нему, как и к льющейся потоками человеческой крови беззащитных граждан, постепенно стали относиться как закономерной стороне современного хищного существования. Тем более, что многим перестало представляться постыдным то, что ранее было совершенно недопустимым по моральным и этическим соображениям. Оковы каких-то ограничений, удерживавших людей от превращения их в животных, повсеместно рухнули.

На руководящих должностях лихо утверждались бандиты и воры, навязывающие обществу свой преступный образ жизни. И, что особенно опасно, немалая часть прежнего населения, уже не таясь, завидовала вульгарной бандитской роскоши. А потому и сама без колебаний кидалась в омут безграничной преступности, решительно предпринимала любые действия, лишь бы тоже ездить на «шестисотых», таскаться по ресторанам и обирать тех беззащитных соотечественников, у которых имелось ещё хоть что-то привлекательное.

Страна стремительно погружалась в пучину дикого насилия, грабежа, разврата и преступного обогащения.

Вернулись мы с Вахтангом на злополучный заводик лишь к вечеру следующего дня. В моём кармане лежала нужная денежная сумма. Не стану рассказывать, чего мне стоило её раздобыть, но обязательство вернуть все деньги точно в назначенный и недалёкий срок уже перенапрягало меня и днем, и ночью.

Кроме сего тяжкого долга на мне «висел» ремонт и собственной машины, который тоже чего-то стоил. Давили и накопившиеся первоочередные семейные потребности. Так или иначе, я пока не представлял, как всё проверну, но верил в то, что друзья, которым тоже несладко, всё-таки не позволят мне погибнуть просто так. Так ведь раньше было всегда!

Наша машина уже стояла отремонтированной во дворе, вроде бы никому ненужная. Тем не менее, к нам сзади тут же подкрался вездесущий Тимофеич:

– Сработано в лучшем виде! Лучше стала, чем была! – бахвалился он.

– Тогда мы без задержки и поедим? – надумал я проверить рискованную аферу.

– Да сколько угодно! Как только Главный (инженер) даст добро!

Вахтанг успел осмотреть кузов снаружи и изнутри, и работой остался не доволен:

– Очень уж неаккуратно сделали!

– Не взыщи, господин хороший! – дурачился Тимофеич. – Что удалось! Да и то, исключительно в личное время! Можно сказать, за счет своего сна ремонтировали! Очень старались все! Но лучше этого никто и не сделает! Даже не ищи! Мы ведь здесь – все спецы!

– Это я сразу заметил! – прокомментировал Вахтанг.

Не здороваясь с нами, сзади появился Делон:

– Если готовы расплатиться, забирайте свою ласточку в лучшем виде! – выдавил он, кривляясь.

– Грубо сделали! – сказал я в ответ. – За такие деньги, совсем уж плохо. Думаю, договоренную сумму будет честно процентов на двадцать соскочить.

– Думаешь что-то отжать? – раскованно заключил Делон. – Ничего у тебя не выйдет! Деньги мне (он протянул руку раскрытой ладонью вверх)! А нет, так мы быстро найдем применение этому грузовичку. Предлагаю вам, господа-неудачники, мне голову напрасно не морочить и покинуть территорию предприятия! А то ведь случайно закопаем вас где-то под забором...

Поняв бесполезность торга, и уже несколько изучив бандитские повадки Делона, я положил все деньги в его ладонь. Он поочередно рассмотрел каждую купюру на просвет и остался доволен.

Вахтанг что-то зло запричитал по-грузински, обхватив руками голову, и забрался в кабину своей машины.

Через некоторое время мы молча катили в сторону центра города. Из-за подавленности разговаривать не хотелось. Было такое ощущение, словно меня с головой окунули в зловонную канализацию и потом голым вытолкали на улицу. Наверное, о том же думал и Вахтанг.

Но дело сделано. Теперь хоть перед Вахтангом я оказался чист, но впереди предстояло долго и мучительно разбираться с долгами.

Прервал молчание Вахтанг:

– Понимаешь, друг! Я много лет живу на свете; долго живу в России; всё вижу. Везде встречаются люди хорошие, везде много плохих. Что об этом говорить? Мы давно с тобой не наивные мальчики, верящие в безусловное торжество светлого будущего! Но, знаешь, дорогой, я не перестаю удивляться какой-то особой, паталогической жадности современных русских. Будто они денег никогда не видели! Деньги, деньги! Ты прости, дорогой, я не о тебе! Все мечты у них о деньгах! Все поступки, все желания... Только к ним стремятся, не щадя никого... Будто эти проклятые деньги сделают их счастливыми! Из-за них теряют совесть, теряют честь, теряют жизнь... И всё равно, не поймут, не подумают, не остановятся! В их мозгах умело подменили жизненные цели, подменили идеи, мысли, мораль... Потому всё они понимают искажённо!

Вахтанг замолчал, сосредоточившись на дороге, но неожиданно для меня опять заговорил о том же:

– Знаешь, дорогой! Моя семья в советское время имела большой дом, мандариновые деревья, много денег. Но всё пропало! Я давно нищий. Только и осталась у меня безработная жена с тремя школьниками в Грузии, да отец там же. В заложниках он! Уже почти год! Денег на выкуп у меня нет! Понимаешь, как мне нужны эти проклятые деньги? Но я пытаюсь их заработать, где только могу, а не приставляю нож к горлу честных людей! Потому что я не считаю, будто деньги в жизни важнее чести. Ну, скажи мне, друг! Разве они важнее стремления в любой ситуации оставаться уважаемым человеком?

Вахтанг опять замолчал, а я не стал ни отвечать ему, ни подтверждать его откровения личным опытом и наблюдениями и, уж конечно, не имел оснований возражать по сути.

В глубине души и мне было понятно, что его речь совсем не о хороших русских людях, которых пока вокруг немало. А таких типов, вроде доморощенных делонов, какую бы национальность они собой ни представляли, простыми увещеваниями не остановить! Для них любой народ – весь или по отдельности – уже ничего не значит в сравнении с личным обогащением. Придет время, и они себя ещё не так покажут.

2010 г., февраль.

Ну и что?

Оркестр послушно смолк, как только микрофон принял моложавый генерал-лейтенант, плотно увешанный орденами и медалями:

– А теперь, дорогие товарищи, поприветствуем самого молодого из фронтовиков, приглашенных к нам в этот праздничный день. Наш герой посвятил службе многие годы своей замечательной жизни. И не столь уж важно, что сегодня наша организация называется не НКВД, как в годы его молодости, а МВД РФ. И даже задачи у неё несколько иные, нежели в те далекие годы.

Зал был полон, воодушевлен и терпеливо слушал.

– Куда важнее, товарищи, что свою первую боевую награду, медаль «За отвагу», уважаемый сотрудник НКВД Павел Степанович Турков получил девятилетним мальчуганом! В девять лет! За ней последовал орден Красной Звезды. Потом – медаль «За боевые заслуги». А в самый последний день 1944-го года – орден боевого Красного Знамени! И это притом, товарищи, что в конце войны нашему герою едва исполнилось двенадцать. Потом, во время долгой и верной службы Родине в вооруженных силах, количество заслуженных наград у Павла Степановича значительно возросло, вы их сейчас увидите на его парадном пиджаке. И очень хорошо, товарищи, что все последующие награждения нашего уважаемого гостя пришлось уже на мирное время.

Зал оживился и принялся искать глазами, откуда появится объявленный герой.

– поприветствуем же Павла Степановича и попросим его для награждения медалью МВД РФ «За заслуги в службе в особых условиях» подняться на сцену (помогите, товарищи, ветерану!).

Аплодисменты сопровождали прикрепление ещё одной медали к лацкану пиджака героя и долго не стихали.

– Нам особенно приятно видеть в гостях столь бодрого и здорового фронтовика! К нашему сожалению шесть приглашенных ветеранов сегодня явиться не смогли. Здоровье их подвело. Но заслуженные награды им вручены нашим министром прямо на дому! Надеюсь, что ваши аплодисменты услышат и они, ветераны, ведь сегодняшнее торжественное собрание транслируется на всю страну...

Павел Степанович, когда окончилось собрание, очень устал, но был доволен уважительным отношением к нему.

– И всё же, как хорошо, что закончилась праздничная суета! – подумал он по пути домой. – Очень уж утомляет эта излишняя помпезность. Впрочем, молодым она, возможно, и не в тягость, а радость! И в чём-то иногда даже необходима! Например, в качестве положительного примера. Или для воспитания патриотизма...

Да и мне будет приятно вспомнить, как меня награждали и чествовали в столь солидном учреждении. Правда, несколько странным показался финал собрания, когда ветеранам, приглашенным на сцену, подарки вручали по числу боевых наград. Сколько наград, столько и подарков! Зачем же так беспардонно? Мне вот, четыре коробки достались... Слегка перегнули... Но с кем не бывает! Но тяжело же нести эти цветастые коробки. В каждой – красочно оформленная бутылка коньяка, горький шоколад, лимон, шпроты и что-то ещё, непонятное и красивое! Видимо, за что воевали, то и получили! И смех, и грех! И всё-таки даже такой май чудесен! Настолько чудесен, что его не испортит никакая глупость!

Было очень красиво. Пожары алых тюльпанов и аромат цветущей сирени, примешанный к запаху хвои, подняли настроение, придали жизненных сил и подкрепили лирический

настрой. Мир заполнился первозданной чистотой зелени, пока не присыпанной слоем въедливой городской пыли! Май – самое чудесное и радостное время года!

Павел Степанович давно двигался по жизнепышущей аллее, слегка задыхаясь – проклятая стенокардия – и как обычно, размышлял о чем-то своём, вечно беспокоящем!

«Трудновато стало мне маршировать! Да ещё подарки к земле тянут! И пиджак с наградами тяжеловат. Не как у Жукова, конечно, но теперь меня и своя ноша чрезмерно тянет! Вот только, это ли сегодня важно? Праздники, торжества, оркестры... Всем этим умышленно отвлекает людей от главного. От вопроса, есть ли у нынешних поколений право так лихо праздновать то, что добыто не их усилиями, не их кровью, что построено не на их костях? Липовые праздники только отодвигают в сторону эти серьёзные вопросы! Затуманивают мозги! Сужают человеческий кругозор. А ведь действительно! Какое они имеют право считать Победу своей? Они её не делали своими страданиями и жертвами! Они лишь пользуются её результатами! Да и так расточительно, что страна вот-вот перестанет существовать!»

И опять, уже который раз, ему вспомнилась случайная встреча – странная встреча – в аэропорту Шереметьево. Тогда доброжелательного вида незнакомец-иностранец ни с того, ни с сего вдруг откровенно заговорил с Павлом Степановичем. Заговорил на тему, которая уж его-то, иностранца, казалось, меньше всего должна волновать. Но после мало значащих фраз он разоткровенничался и поведал, что последние две недели провёл в напряжённых поездках по нашей стране. Многое якобы увидел! Многое сравнил! Многое узнал! И от этого, и оттого, что он хорошо помнит военную и послевоенную историю, помнит в ней усилия и жертвы русского народа, ему стало очень жалко наш народ. Наш великий и многострадальный русский народ. Жалко! Не такой участи он достоин!

«Вот те раз! – внешне сдержанно удивился Павел Степанович. – Видимо, провокацию затевает. Вот меня в неё и вовлекает! И действительно – незнакомец стал вдруг рассказывать об открывшейся ему, видите ли, истине: «Ваша Россия – она же, как огромная, работающая, но безмятежная дура! Извините за мои откровения, пожалуйста! Но как иначе сказать, если два или три бессовестных вождя сделали с ней то, о чём даже Гитлер не помышлял! И она этому нисколько не препятствовала! Она без борьбы покорилась! И до сих пор, хотя прошло немало времени, от грёз своих не освободилась! Но и это не всё! Гитлера-то давно нет, желавшего ваш народ полностью извести! Но в вашей стране откуда-то народились собственные детишки-людоеды! Именно они с лихвой доделали со страной то, что Гитлеру даже не снилось!»

«Подобные откровения меня тогда не только задели за живое, но привели почти в бешенство! – вспомнил Павел Степанович. – Бросился я будто опять в бой; стал ему что-то доказывать-объяснять... Потом всё же догадался, что бесполезно. А он лишь усмехался, глядя на меня. И решил я просто уйти от него, гордо и молчаливо, но незнакомец с большим сожалением покачал головой и очень уж убедительно посоветовал мне на хорошем русском, хотя с чудовищным акцентом:

– Вы теперь не горячитесь! Вы лучше сами на досуге поразмыслите... Сами... Пусть я совсем не прав, но должен же кто-то у вас мыслить... Сами посудите! Жаль такой народ, как ваш...»

«Я и поразмыслил! – вспомнил последующие сомнения Павел Степанович. – Потом, конечно, но поразмыслил! И долго ещё во мне всё бурлило! И долго я боролся с собой, с обидой за державу, со своим недюжинным патриотизмом... Но правоту незнакомца мне пришлось признать. В большой степени! А иначе как объяснить, почему столь великая моя страна даже без войны превратилась в территорию, напоминающую великое побоище, где всё разрушено и подорвано? Почему она сама себя уничтожает? Почему мораль перевернулась настолько, что черное считается белым, и наоборот! С тех пор подобные мысли меня не покидают. И правильный ответ, как будто, стоит перед глазами, да только вопросов возникает всё больше и больше...»

Павел Степанович всё брёл, иногда останавливаясь для передышки. Спокойно размышлял о своём:

«Почему на этой аллее так редко встречаются люди? Как сглажены здесь дальние шумы! Как здесь хорошо весной!»

Видимо, в сумерках праздничного дня народ сконцентрировался где-то в другой части большущего парка – там, откуда сейчас доносятся звуки духового оркестра. А впереди маячит всего-то один-единственный прохожий, пожилой, одетый в тёплый плащ не по погоде.

«Иногда он оглядывается, стараясь делать это незаметно, – подметил Павел Степанович. – Возможно, опасается воинствующего хулиганья, а может, кого-то поджидает. Наконец он присел на край длинной парковой скамьи. Освободил её большую часть словно для меня».

Возможно, Павлу Степановичу следовало насторожиться, но солидный возраст незнакомца его успокоил. Действительно, в такие годы рискованно нападать на прохожих, можно и самому схлопотать! Потому Павел Степанович без опаски присел рядом, взгромоздил на скамейку надоевший тяжёлый пакет, снял пиджак и ослабил галстук.

Вблизи незнакомец показался уже вполне приличным человеком, развеявшим своим поведением прежние подозрения. Он заинтересованно поглядывал на награды Павла Степановича и, не скрывая, демонстрировал своё почтение. Заговорил он первым:

– Погода в честь праздника не подвела! Стало быть, постаралась небесная канцелярия!

Павлу Степановичу, конечно же, следовало из вежливости поддержать пустячный разговор о погоде, но он зачем-то сыронизировал (перегрелся, что ли?):

– И что за праздник?

– Вы разыгрываете меня! – изумился незнакомец. – Ведь День Победы! Вон у вас – наград на полгруды! Да что я вам... – он от безнадёжности взмахнул рукой. – А-а-а-а! Понял! Вы меня разыгрываете, да? Весёлый вы человек! Но сегодня всё простительно! Я не обижаюсь...

– Вы, пожалуйста, моё старческое ворчание не примеряйте на себя... – попытался его успокоить Павел Степанович. – У нас весь народ в этом вопросе давно запутался...

Собеседник повернулся вполборота, с интересом поглядывая на Павла Степановича и его пакет, и недоумевая, уточнил:

– Вы о чём это? О празднике победы?

Павел Степанович опять пожалел, что не сдержался и втянулся в ненужный диспут, но и замолчать теперь ему казалось неприлично:

– Не былые победы ежегодно надо праздновать! Да и принадлежат они не вам, не молодым. Надо всенародно и торжественно чтить погибших! Не пойму я, но подозреваю... Откуда-то мощно продавливается весьма опасная подмена понятий. Иными словами, всё в головах людей переворачивают вверх дном! Началось всё с фигляра Брежнева... Ну, сами мне скажите, день какой победы может быть в этом году? Он случился лишь однажды – девятого мая 45-го года! А потом были только дни памяти и скорби! Именно потому в этот день кошунственно веселиться! Да! Это действительно дата окончания тяжелой войны... Это день поминовения всех, кто внёс свой вклад в победу, но не дожил до наших дней. И причём здесь, скажите мне, старику, триумфальные шествия, фейерверки и помпезные парады? А они, эти парады и всенародное веселье, стали следствием как раз той подмены понятий. Плакать надо, а они веселятся! Запутали народ, потому он и ликует, не отдавая себе отчёта ни в чём... Это веселье ведь на крови народа нашего! На молодых жизнях, отнятых у наших героев! И ведь никому оттого стыдно не становится! Даже разобраться в чём-то категорически не желают! «Зачем себе настроение портить!»

– Знаете, я тоже почему-то не задумывался... – сознался собеседник, почесав затылок.

– Понятное дело! При Сталине отмечали окончание войны, но никому и в голову не приходило особо отмечать один единственный день войны, длившейся полторы тысячи точно таких же дней! Совсем свернули мозги молодым... Старики-то раньше понимали! Но они

после войны замолчали, глядя по сторонам и сожалея о происходящем! Силы не те... Но они чувствовали, они знали, что подпиливают наш социализм, низвергают все прежние достижения народа и Сталина. Понимаете, Гитлера не стало, но страну не прекратили добивать! Её очень хитро, уже изнутри, по-прежнему разлагали и добивали!

– Что же это такое, если я правильно вас понял... Выходит, девятое мая вообще нельзя отмечать как праздник? – уточнил собеседник.

– Конечно! Правильно поняли! Я убеждён в этом! И мы от этого не станем меньшими патриотами! – подтвердил Павел Степанович. – Нельзя ежегодно отмечать девятое мая как день победы! День победы случился один раз! В сорок пятом, а не сегодня! Происходит типичная и очень опасная для самосознания народа подмена понятий! Хотя и приходится эти события на одну и ту же дату – день окончания войны и день скорби, но по сути своей они принципиально разные! И отношение людей к ним должно быть разным! В каждом из этих событий есть свой исторический и свой моральный аспект! Их нельзя смешивать, недопустимо не различать! Не принято у людей веселиться на могилах! Отпраздновали победу в сорок пятом – и достаточно! Больше не надо! Не солидно всю жизнь упиваться былыми успехами! Да ещё и обеспеченными не вашими, а чужими руками! Чужой кровью! Дальше следует о будущем думать! О своём и своих детей! А тех героев фронта и тыла, которые эту победу обеспечили, нам забывать нельзя даже под пытками! Если хотим людьми себя ощущать, конечно!

– Да, да! Пожалуй, вы правы... – задумчиво согласился собеседник. – Как-то никто не задумывается, чему это они радуются сегодня? Спустя десятилетия! Будто это они тогда воевали! Будто это для них, сосунков нынешних, война закончилась! Будто это их, нынешних, заслуга, чёрт побери!

– Вот именно! У меня в этот день от воспоминаний, от той горячей крови моих товарищей, от собственного памятного страха и несбывшихся надежд комок в горле не проходит... Разве тут фейерверки или танцы уместны? Но молодежь у нас грамотная и эгоистичная: «Что вы нам всё о войне, да о войне! Теперь о жизни надо! Давайте веселиться! Думаю, попрыгунья стрекоза разумнее этой молодёжи была...»

– У нас в народе всегда жили не по логике и не по закону! – постарался поддержать разговор незнакомец. – Кто-то соригинальничает, остальные подхватят! Поглядите на девиц! Каждая, считай, курит... Дымит, словно, дизель изношенный! Хотя знает как это вредно, знает как это глупо! Зато не по логике! Зато индивидуально! Оригинально! Задача привлечь хоть чем-нибудь, если настоящего достоинства нет! «Круто!» А если по логике и по правилам, так это для нынешних – скучно! Я же так думаю, какие женщины в стране, такие в ней и дети растут! Потому у нас никогда по уму не живут! И никогда не будут жить! Раз курят! Раз без достоинства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.